

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 316.35

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-617-623

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ МАТРИЦА ПРАВОСЛАВИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА МОДЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

IDENTIFICATION MATRIX OF ORTHODOXY IN THE CONTEXT OF THE SEARCH FOR MODELS OF NATIONAL INTEGRATION IN RUSSIAN SOCIETY

Н.Н. Ткач, С.В. Резник
N.N. Tkach, S.V. Reznik

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: kolaykaq@rambler.ru; reznik@bsu.edu.ru

Аннотация

В российском обществе открытым остается вопрос формирования российской идентичности. До сих пор ведутся дискуссии по поводу того, что считать основанием российской идентичности – гражданские ценности, государственность, многонациональность, или культурно-историческую и этно-конфессиональную традиции. В связи с этим целью исследования является культурно-философская рефлексия идентификационной матрицы православия в современном российском обществе. Рассматривается становление и формирование российской государственно-гражданской идентичности в контексте актуализации идентификационной матрицы православия как культурной модели, содержащей совокупность установок, направленных на духовное и социальной самоопределение личности в российском обществе. Основываясь на сравнительном анализе предлагаемых моделей российской идентичности, автор делает вывод, что идентификационная матрица православия влияет не только на культурный аспект становления российской идентичности, связанный с гармонизацией межнациональных отношений и развитием культурно-национального своеобразия, но и является актуальной культурной моделью формирования российской государственно-гражданской идентичности. Философское осмысление идентификационной матрицы православия показывает его роль в качестве культурной модели, реализующей православные установки в конкретных идентификационных практиках, что содержит новое знание, по сравнению с пониманием православия как культурной традиции, ориентированной на прошлое или эклектизм демонстративных идентичностей. Автором представлены основные механизмы влияния и репрезентации православия в формировании российской идентичности, что позволяет осмыслить влияние православия не только в качестве культурно-цивилизационной основы российской идентичности, но и в выработке концептуального аппарата исследования православия в качестве культурного аспекта российской идентичности.

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the fact that in Russian society the question of the formation of Russian identity remains open. There are still discussions about what should be considered the basis of Russian identity (civic values, statehood, multiethnic, or cultural-historical and ethno-confessional

traditions). The aim of the study is the cultural and philosophical reflection of the identity matrix of Orthodoxy in modern Russian society. The article considers the formation and formation of the Russian state-civil identity in the context of actualization of the identity matrix of Orthodoxy as a cultural model containing a set of attitudes aimed at spiritual and social self-determination of the individual in Russian society. Based on the comparative analysis of the proposed models of Russian identity, the author concludes that the identity matrix of Orthodoxy affects not only the cultural aspect of the formation of Russian identity, associated with the harmonization of interethnic relations and the development of cultural and national identity, but also is an actual cultural model of the formation of Russian state and civil identity. Philosophical understanding of the identity matrix of Orthodoxy shows its role as a cultural model that implements Orthodox attitudes in specific identification practices, which contains new knowledge, compared to the understanding of Orthodoxy as a cultural tradition focused on the past or the eclecticism of demonstrative identities. The author presents the main mechanisms of influence and representation of Orthodoxy in the formation of Russian identity, which allows us to understand the influence of Orthodoxy not only as a cultural and civilizational basis of Russian identity, but also to develop a conceptual apparatus for the study of Orthodoxy as a cultural aspect of Russian identity.

Ключевые слова: идентификационная матрица православия, модели национальной интеграции, российская идентичность, траектория православия, культурно-символический код.

Key words: identification matrix of Orthodoxy, models of national integration, Russian identity, trajectory of Orthodoxy, cultural and symbolic code.

Актуальность поиска моделей национальной интеграции, среди которых ключевой является российская идентичность, предполагает критическую ревизию исторического опыта и современных реальностей. Имплементация конструктивистской модели идентичности создала возможность для исторического ревизионизма советской модели идентичности, в которой содержалось противоречие между заявкой на интернационализм и эссенциалистской трактовкой идентичности. Необходимо также отметить, что в современной российской исследовательской мысли анализ данной проблематики невольно укладывается в схему реализации стратегии национальной политики РФ, где заявлена цель гармонизации этнических отношений [Имплементация зарубежных моделей..., 2017].

Важным моментом становится то, что возможности исследовательского внимания часто переключаются на текущие вопросы межнациональных отношений, и осмысление механизмов влияния православия на формирование российской идентичности осложняется в связи с поиском путей между гармонизацией межэтнических отношений, где сфера этничности является деликатной, и государственно-центристской моделью идентичности, согласно которой вопросы идентичности не должны актуализировать риски межэтнических отношений.

Ключевой идеей стратегии формирования российской идентичности является акцент на культурном развитии российских народов. Как отмечают сторонники эссенциалистского (примордиалистского) подхода, этническая идентичность обладает большим достоинством, закреплена в истории, и когда речь заходит о российской идентичности, возникает вопрос: что составляет ее солидарную основу, кроме бережного отношения к этническим культурам народов, их интересам и возможностям культурного развития?

В рамках функционального подхода Ю.А. Данилиной и Н.Ф. Наумовой [Наумова, 2006] прослеживается тенденция рассматривать вопросы строительства российской идентичности как связанные с развитием соответствия институтов, обладающих потенциалом идентичности на основе технологий. Приоритет в формировании российской идентичности предписывается организационным структурам, государственным и общественным. Очевидно, что здесь отводится роль и православию, как и другим традиционным религиям, в соподчиненности государственным институтам или дозированной самостоятельности в работе с религиозными конфессиями. Эта позиция не является безупречной с точки зрения того, что траектория православия в современном российском обществе связана и с

духовно-культурной миссией, и с влиянием православия на укрепление солидаристского потенциала общества, на удовлетворение запроса о нравственном обновлении, возвращении к базовым ценностям.

Траектория православия в российском обществе формируется таким образом, что занимает транзитивное место, характеризуемое тем, что, с одной стороны, наблюдается всплеск религиозных настроений, какими бы спорными они ни казались, с другой – в общественном дискурсе воспроизводится матрица православия как культурно-исторической традиции, не относящейся непосредственно к современным идентификационным стратегиям. В анализируемой ситуации, требующей понимания того, что православие является культурной моделью российского общества, уходит в прошлое траектория предшествующего периода, в котором православие постоянно находилось между полюсами изгнания из общественной жизни и включения в политические и идеологические акции государства.

Характеризуя нынешние перспективы православия, Д.В. Поспеловский указывает на то, что в условиях реформирования правового статуса православия, как и других традиционных религий, отмены прямого контроля государства над православной жизнью есть необходимость полагать восстановление того соборного устройства во всех уровнях, которое было установлено собором 1917 и 1918 годов [Поспеловский, 1999]. Естественно, данная позиция подчеркивает независимость церкви, пользование демократическими благами, автономию в решении церковных вопросов. Но следует также понимать, что соборность в ее дореволюционной традиции, изложенная в кредо «православие, монархия, народность», подразумевала союз церкви и государства. Поэтому современные исследователи обращают внимание на тот факт, что вероятно еще предстоит найти золотую середину в определении соборности как автономности православия в рамках созидания общественной жизни. Если конкретизировать это положение, речь идет о том, что по отношению к российской идентичности православию надлежит занимать более наступательную конструктивную позицию, бороться не только с вывихами общественного сознания и внедрения релятивистской морали, но и влиять на укрепление российской идентичности в контексте ее гражданского, нравственного обновления.

Очевидно, что гражданская идентичность в российском обществе испытывает дефицит нравственных регуляторов, что, как отмечала исследователь общественных движений И.А. Халий, корень зла заключается в недоверии к общественной инициативе, гражданским акциям, в отсутствии нравственной солидарности в понимании общественных инициатив, когда обоснованные социальные претензии и пожелания могут восприниматься как необходимость для отдельных [Халий, 2007]. В российском обществе еще не сформировался запрос на гражданственность как на активную нравственную позицию. В этом контексте православие, как культурная модель, оказывает конструктивное влияние на то, что можно назвать гармонизацией российской идентичности.

Если национально-государственная идентичность является политико-правовой и исходит из понимания гражданской нации, где есть базовые социально-политические ценности, но слабо затрагивается ценностный нравственно-моральный консенсус, есть необходимость полагать, что православие является альтернативой ограниченной гражданственности, гражданственности. Как мы видим по последствиям утверждения пострелигиозности на современном западе, под предлогом толерантности воцаряются бесы. Об этом пишут и западные ученые, которые придерживаются позиции традиционализма.

Следует подчеркнуть, что И.А. Халий видит перспективу общественных движений в том, чтобы презентировалась социальная инициатива, направленная на сохранение социально-экологической и нравственной среды. Возникает необходимость определения границ, за которые не может переступать общество. Траектория православия, как она рассматривается некоторыми учеными [Халий, 2007], может претендовать на роль общественного движения за нравственные инициативы. Также утопическим выглядит вариант включения православия в систему публичного менеджмента, что можно охарактеризовать как смену парадигмы управления в обществе, направленную на удовлетворение запросов

и потребностей социальных сообществ. То есть необходимо, чтобы представители православных общин участвовали в разработке нормативно-ценностных составляющих [Институциональные практики, 2015]. В связи с этим можно выделить модель взаимоотношений православия и государства. Так как речь идет о государственно-гражданской идентичности, идеальным типом отношений является синтез нравственно-духовной и гражданской нации. Применительно к российскому обществу свою неконструктивность показала абсолютная атеизация, в той же степени можно рассматривать как деструктивные попытки внедрения постсекулярной модели, основанной на логике множественных и малых религиозных стилей.

В связи с этим российские ученые, в частности К.В. Зайка, М.А. Южанин, полагают, что в условиях как отклонения модели «одна нация – одна религия» [Национальная политика в России..., 2016, с. 62], так и применения постмодернистского варианта смешения религий на практике, приоритетом выработки идентификационных стратегий является переход к новой модели, завершение и укрепление траектории православия как актуальной культурной традиции, культурной модели, имеющей деятельностный контур. Если интеграционная модель православия и государства, которая в целом внедряется на современном этапе, и исходит из того, что православие обязано придерживаться границ и быть советчиком государства в выработке российской идентичности, то модель гармонизации предполагает усилия со стороны государственных институтов, направленные на создание благоприятных условий для воспроизводства православной традиции, православия, как культурно-символического кода в российском обществе.

Это не оговорка и не упущение, связанные со смешением близкородственных понятий. Концептуально необходимым является перевод культурно-символического кода в персонифицированное пространство. Культурно-символический код, как культурные паттерны русского национального сознания, имеет и культурно-цивилизационное измерение, связанное с наследием православного мира, и актуальное, идентификационное, определяемое тем, что траектория православия в российском обществе показывает запрос общества не только на религиозно-нравственную опору, уходящую в века, но и на фундаментальные идентификационные смыслы, характеризующиеся достоинством личности, лучшей жизни и национальным самоуважением.

Иначе, если обратиться к классическому труду Дж. Биллингтона «Икона и топор», содержащему как достижения, так и заблуждения относительно русской культуры, постоянно будет всплывать феномен византийского ритуализма [2001]. Биллингтон обосновал вывод о том, что в российском обществе действует власть византийского ритуализма, но без византийского благоговения перед западной свободой исследований. Отсюда он выводит парадокс атеизации и властолюбия, отношения к церкви, как к религиозно-нравственному институту, в рамках запрета на автономность церкви, на религиозные свободы как угрозу властолюбию и, в конечном счете, византийскому ритуализму. Но упущение Дж. Биллингтона состоит в том, что за поверхностью сложных, часто трагических отношений не исследовался феномен внутренней свободы, того, что православие сохранялось в сердцах людей, что ритуализм – есть следствие навязанной модели авторитаризма в отношениях между государством и церковью как религиозно-нравственным институтом.

Однако концептуальное осмысление требует понимания того, что культурно-символический код сохранялся как традиция и в период атеизации общества, но как культурная модель стал формироваться только в настоящий период. Эти нюансы часто не различаются исследователями, которые сводят роль церкви к символическому доверию. В контексте формирования российской идентичности важным становится запрос на деятельностный контур православия, на то, чтобы реализовалась социально-нравственная миссия, которая закрепляет и продолжает духовное кредо православия.

Следует подчеркнуть, что в гибридном российском обществе доминируют объективно постмодернистские установки на смешение, парадоксальность идеологических и нравственных установок. Поэтому есть смысл обратить внимание на то, что православие

испытывает нелегкое искушение быть вовлеченным в идеологическую конфронтацию и подвергается натиску неофитов, создающих лжесекты, спекулируя на культурно-символическом капитале православия.

Таким образом, православие как культурная модель и культурно-символический код различается только по внутренним смыслам, но по отношению к обществу обладает целостностью. И здесь важно подчеркнуть значение православия как культурно-символического кода для формирования православного дискурса в общественном пространстве. М.К. Горшков объясняет роль православных религиозных настроений в российском обществе как в экзистенциальном запросе, так и в том, что религиозность становится модой [Российское общество..., 2015].

Российские социологи утверждают, что вокруг ценностных ориентиров сосредотачивается социальная деятельность религиозных организаций, определяющая и роль религии в различных сферах общественной жизни [Российское общество..., 2015]. То, что без православия не было бы русской культуры, русского человека и русского государства есть не только мнение иерархов церкви, но и признание обществом той деятельности, которой православие придерживается неизменно на протяжении своего существования.

В теоретико-методологическом значении важно понять, что траектория православия есть траектория освоения и закрепления ценностно-нормативной регуляции. Как и другие традиционные религии, православная церковь поддерживает единое культурное поле в многоконфессиональной стране и в не малой степени способствует изменению общеценностных регуляторов. Не случайно, что именно через уважение (26 %), гордость (24 %), любовь (17 %) представители различных религиозно-мировоззренческих групп выражают отношение к России [Российское..., 2015, с. 199]. Здесь действует и влияние стереотипов массового сознания, но не в меньшей степени есть понимание в обществе, как отмечают исследователи, роли нравственно-религиозной позиции, которая выражена не только в отношении к государству как гаранту прав и социальных благ, но и в стремлении к тому, чтобы государство стало более разумным, справедливым, заботящимся о правах и нуждах всех граждан.

Отсюда траектория православия предполагает дебюрократизацию государственных институтов, открытость и демократизм в отношениях общества и государства. Траектория православия показывает, что его авторитет не может строиться только на историческом прошлом, он определяет необходимость действовать совместно с другими общественными и государственными институтами в регулярной, постоянной работе для развития российской государственно-гражданской идентичности. В этом смысле деятельностный контур православия как культурной матрицы предполагает готовность граждан поддерживать согласие относительно идентификационного выбора и реализовать его в акциях консолидационной направленности.

Рассматривая траекторию православия как культурной модели, следует помнить о культурной теории идентичности, которая раскрывается в понимании ее соотношения с российской идентичностью через ряд параметров. Вероятно, это имеет значение, поскольку культурно-символический код российской идентичности является апелляцией к прошлому, опирается на исторические традиции, культурные символы и выражает базовые человеческие потребности к выживанию [Гражданская..., 2013]. Согласно данному положению, православие фиксирует культурно-цивилизационную принадлежность. Однако следует различать действительную и номинальную идентичности. Отношение к православному культурно-цивилизационному коду является номинацией, позицией личности и групп общности в российском обществе, имеющих декларируемые установки.

Реальная идентичность состоит в динамике идентификационных образцов, что наблюдается в процессе становления российской идентичности. Для С. Кара-Мурзы советская цивилизация означала обращенность общества в социальное равенство справедливости и имела предпосылки в признании коллективности личности, в которой сохранилась традиция православной культуры, построенная на братстве людей и коллективном

спасении души спаянных отеческой, сыновней и братской любовью. Кара-Мурза, 2001, с. 338]. Уже то, что автор обращается к православию свидетельствует о духовной мощи православия в создании дискурса российской идентичности на основе идеалов общинности и братства.

В заключении следует отметить, что для понимания православия, как идентификационной матрицы российского общества, нами предлагается деятельностный теоретико-методологический подход, в котором разрабатывается концепт культурной модели православия. В этой модели описываются и интерпретируются массовые настроения россиян по отношению к православной церкви, институту, православной культуре как культурно-символическому коду российского общества. Матрица деятельностного подхода требует последовательного развертывания исследовательских задач, связанных с выявлением логики траектории православия в символическом пространстве российского общества, ее консолидирующего потенциала, отношений между патриотизмом, как катализатором российской идентичности, и православием. Траектория православия переступает конфессиональные границы, и во взаимодействии с другими традиционными религиями определяется возможностями перейти из состояния адаптации в статус коллективного участника общественной жизни российского общества.

Решение вопросов, поставленных в нашем исследовании открывает перспективы для более глубокого и системного исследования роли православия в развитии российской идентичности в контексте вызовов глобализации.

Список литературы

1. Биллингтон Дж.Х. 2001. Икона и топор. М., Рудомино, 880 с.
2. Гражданская этническая, региональная идентичность. Вчера, сегодня, завтра. 2013. М., РОССПЭН, 485 с.
3. Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях. 2017. М., Социально-гуманитарные знания, 332 с.
4. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах с сложной этнокультурной структурой. 2015. Ростов-на-Дону. Фонд науки и образования, 314 с.
5. Кара-Мурза С.Г. 2001. Советская цивилизация (книга первая). (Серия: История России. Современный взгляд). М., Алгоритм, 528 с.
6. Наумова Н. Ф. 2006. Человек и модернизация России М., Канон+РООИ «Реабилитация», 592 с.
7. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. 2016. М., Социально-гуманитарные знания, 420 с.
8. Поспеловский Д.В. 1995. Русская православная церковь. М., Республика, 509 с.
9. Российское общество и вызовы времени. Книга первая. 2015. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. Москва. Весь Мир, 336 с.
10. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. 2015. Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. Москва, Весь Мир, 432 с.
11. Халий И.А. 2007. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., Институт социологии РАН, 300 с.

References

1. Billington Dzh.H. 2001. Ikona i topor [The icon and the axe]. Moscow, Publ. «Rudomino», 880 p.
2. Grazhdanskaya etnicheskaya, regional'naya identichnost'. Vchera, segodnya, zavtra. [Civil ethnic, regional identity. Yesterday, today, tomorrow]. 2013. Moscow, Publ. ROSSPEN, 485 p.
3. Implementaciya zarubezhnyh modelej nacional'noj integracii, cennostnoj politiki i institucional'nyh praktik v sfere mezhetnicheskikh otnoshenij v rossijskikh usloviyah. [Implementa-

tion of foreign models of national integration, value policy and institutional practices in the sphere of interethnic relations in Russian conditions]. 2017. Moscow, Publ. Social and humanitarian knowledge, 332 p.

4. Cennostnaya politika i institucional'nye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnoshenij v ekonomicheski razvityh stranah s slozhnoj etnokul'turnoj strukturoj: monografiya [Value policy and institutional practices in the sphere of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure: monograph.]. 2015. Rostov-on-Don, Publ. «Foundation for science and education», 314 p.

5. Kara-Murza S.G. 2001. Sovetskaya civilizaciya (kniga pervaya). (Seriya: Istorija Rossii. Sovremennij vzglyad). [Soviet civilization (book one). (Series: History Of Russia. Modern view)]. Moscow, Publ. Algoritm, 528 p.

6. Naumova N. F. 2006. СHеловек i modernizaciya Rossii. [The man and the modernization of Russia]. Moscow, Publ. Canon+ROOI «Rehabilitation», 592 p.

7. Nacional'naya politika v Rossii: vozmozhnost' implementacii zarubezhnogo opyta. [National policy in Russia: possibility of implementation of foreign experience]. 2016. Moscow, Publ. Social and humanitarian knowledge, 420 p.

8. Pospelovskij D.V. 1995. Russkaya pravoslavnaya cerkov'. [Russian Orthodox Church]. Moscow, Publ. Republic, 1995 p.

9. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. [Russian society and challenges of the time. The first book.]. 2015. Ed.: Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow, Publ. All the World, 336 p.

10. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. [Russian society and challenges of the time. Book two.]. 2015. Ed.: Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow, Publ. All the World, 432 p.

11. Halij I.A. Sovremennye obshchestvennye dvizheniya: innovacionnyj potencial rossijskikh preobrazovanij v tradicionalistskoj srede. [Modern social movements: innovative potential of Russian transformations in the traditionalist environment]. Moscow, Publ. Institute of sociology RAS, 300 p.

Ссылка для цитирования статьи

For citation

Ткач Н.Н., Резник С.В. 2019. Идентификационная матрица православия в контексте поиска моделей национальной интеграции в российском обществе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 617–623. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-617-623

Tkach N.N., Reznik S.V. 2019. Identification matrix of orthodoxy in the context of the search for models of national integration in Russian society. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 617–623 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-617-623